

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА

от 1 1 ЯНВ 1966

г. Москва

Газета №

ЛЮБОПЫТНЕЙШЕЙ особенно-
стью аргентинской столицы яв-
ляется то, что в ней буквально
каждый сантиметр стены или забо-
ра используется, чтобы приклеить
объявления. Они говорят обо всем:
об открытиях театров и о премьерах,
об успехах и провалах. Иногда это
афиша-приглашение, иногда —
разгромный отзыв. Я не преувеличи-
ваю, утверждая, что на каждый из
пятидесяти ежедневных спектаклей
в Буэнос-Айресе приходится до пяти
тысяч таких объявлений! Эти листки
воюют за зрителя не только между
собой. Они сражаются
против тысяч дру-
гих объявлений, пла-
катов, призывов, до-
зунгов, клэтов и афин,
которые рекламируют
сигареты и шоколад,
мороженое и холо-
дильники, политиков
и спортсменов, с оди-
наковой легкостью
нападают на правых
и на левых. Тысячи
разноцветных листков
объясняют, убеждают,
призывают, а чаще всего оглушают и
заводят людей в тупик.

Пятьдесят упомянутых мною спек-
таклей можно увидеть лишь в центре
Байреса, как мы, аргентинцы,
называем Буэнос-Айрес, на освещен-
ных и оживленных главных улицах.
У нас даже есть специально предиа-
значенная для этого авенюда — Коррь-
ентес. На всем многокилометровом
протяжении она сияет и переливает-
ся огромными афишами театров. А в
бесчисленных кафе, барах и рестора-
нах на Коррьентес в любой час ночи
можно увидеть «кинодив» и попу-
лярных актеров. «Звездам» тоже хо-
чется в рестораничке выпить чашку
кофе и запросто поболтать.

Внешние театральные афиши арген-
тинских театров похожи на проспект
по мировой драматургии. Возьмите
любую дневную или вечернюю газе-
ту и почитайте театральную афишу:
Шекспир, Олби, Горький, Бекетт,
Брехт, Ионеско, Миллер, Тургенев,
Осборн, Пинтер, Престан, Камю,
можно найти и имена аргентинских
драматургов: Косса, Аллак, Вервер,
Освальдо Драгун, Томас Лафрерр,
Родольфо Уолыш, Санта Круз,
Херман Сикланс. Далее следуют бес-
численные театры, так называемые
«шосу» или «варьете», детские афе-
ища и наш знаменитый оперный театр.

В каком же положении находятся
мон собраты по перу? Национальные
песны ставятся лишь в том случае,
если есть надежда, что они пройдут
не менее ста раз. Но многие из арген-
тинских пьес бьют этот установ-
ленный для нас «минимум» и идут
по сто пятьдесят, а то и по двести
раз, оставаясь в репертуаре несколь-
ко лет подряд. В Аргентине не при-
нито в одном театре, да к тому же
на одной неделе давать несколько
разных спектаклей. Объясняется это
чисто экономическими обстоятельст-
вами: рискованно вкладывать деньги
в декорации, костюмы, рекламу и
платить актерам при постановке не-
скольких спектаклей. Поэтому если
пьеса уж ставится, то идет она всю
неделю без перерыва — от понедель-
ника до пятницы по вечерам, а в суб-
боту и в воскресенье даже два раза.

Я уже сказал, что поверхностный
взгляд увидит в этой панораме толь-
ко хаос и неразбериху. Но если коп-
нуть глубже, то этот хаос начинает
«укладываться» в определенные рам-
ки, подчиняться определенным зако-
нам. Неразбериха отражает буржуаз-
ные критерии понимания искусства, а
также назначения культуры и образо-
вания. И от всей этой панорамы силь-
но пахнет бизнесом, авантюриз-
мом, снобизмом.

ВОТ УЖЕ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ в
театральной жизни Буэнос-
Айреса, так же как и во всей
нашей культуре, существуют две про-
тивоположные тенденции. Профашин-
ская революция 1930 года запрети-
ла у нас искусство протеста и дала
«затененную улицу» искусству конфор-
мизма. Давно известно, что в каж-
дом классовом обществе подлинным
художником становится тот, кто не
сдается, не продается, не довольст-
вуется ролью наблюдателя, кто бо-
рется за идеал, близкие народу. Во-
енная хунта в буквальном и перенос-

мерческого импресарио, ни погони
за прибылями, ни рекламы, их един-
ственным стремлением было позна-
комить аргентинцев с лучшими обра-
зами отечественной и зарубежной
драматургии. Процесс становления
проходил медленно и в постоянной
борьбе против полиции, «умолчальни-
ков», открытой клеветы и ненависти
со стороны «звезд». Нередко, прихо-
дя на работу, актеры находили зна-
ние театра опечатанным. Нередко и
артистов отправляли в «холодную».
Стучалось, что в середине спектакля
из ложи бельэтажа раздавались вы-

годия в гигант с населением почти в
семь миллионов человек. Но из этих
семи миллионов не более двухсот ты-
сяч посещают театры. И, оказывается,
этой ничтожной цифры достаточно,
чтобы наполнить все театральные за-
лы столицы!

Рабочий люд в театральных залах
бывает редко. И по многим причи-
нам: из-за высоких цен на билеты,
из-за транспорта (ведь рабочие райо-
ны находятся очень далеко от цен-
тральных районов города) и так да-
лее. Но, пожалуй, самая серьезная
причина разрыва между худож-

ником и зрителем —
в образовании. Исте-
рическое нагнетание
самых низменных раз-
влечений, открытая
коммерция, буднич-
ные заботы о хлебе
насушном, отсутствие
основ культуры —
нельзя не принимать
в расчет всех этих
факторов.

И тем не менее,
когда речь заходит о
действительно боль-

шом явлении в искусстве, тот же ра-
бочий — первый, кто на него от-
кликается. И откликается щедро. К
сожалению, это случается не очень
часто в наши дни. И вот пер-
ед артистом встает дилемма: вы-
ступать на рабочей окраине в
серьезной, социальной пьесе или
в сияющем огнями театре «шосу»
на авенюда Коррьентес. Согласитесь,
не каждый может устоять перед та-
ким соблазном.

Я уже говорил о плеяде молодых
драматургов Аргентины, чье творче-
ство обращено в нашу сегодняшнюю
действительность. Роберто Косса —
он завоевал успех своим первым про-
изведением «Наш конец недели».
С чеховской беспощадностью закли-
мил он обывательщину и мешанство
мелкой буржуазии Буэнос-Айреса.
Розенмахер — он обращается к про-
блемам «сердитой» молодежи, дока-
зывая, что в большинстве случаев —
это бунт против отживших догм. Ма-
рия Кристина Вервер, которая до
сих пор занималась творчеством в
стиле так называемого «европейского
авангардизма», вдруг перебила все
свои «авангардистские горшки» и
написала великолепную реалистиче-
скую пьесу «Ссора». Шесть месяцев
подряд зрители ходили в театр, что-
бы насладиться необычным для нас
зрелищем: девушка из «порядочной»
семьи разоблачает отжившую и смеш-
ную ныне аристократическую песен-
но-традицию. Родольфо Уолыш — еще
один дебютант, собирает публику
песней «Гранатах» в солдата случайно
попадает и не успевает разорваться
граната. Автор фарса разоблачает
всю тупость, бюрократию, глупость
нашей военной машины.

Мы, старшее поколение «незави-
симых», тоже не сидим сложа ру-
ки. Карлос Горостиса, показавший с
успехом «Жить здесь», написал еще
два новых произведения. Хуан Кар-
лос Феррари закончил «Лягушки
поют лишь ночью». Неудомимый Ос-
вальдо Драгун вновь ставит «Исто-
рию, которые следует рассказать», а
Андрес Лиссарата — спектакль по
пьесе «Кто хочет купить целый на-
род?», получившей одну из первых
премий в Гаване на конкурсе латино-
американского театра.

Тот, кто пишет эти строки, тоже
не спит. А если и спит, то и во сне
мечтает о том, чтобы рассказать лю-
дям, что очень его волнует и что он
сказал в последней своей пьесе. «Да
исполнятся заветы!».

Закон диалектики, который пласит,
что все живет и развивается, непредо-
жен. Мы же добавим к нему новое
положение: развивается в поисках
лучшего и светлого. То же самое про-
исходит и в театре. И не грех ска-
зать в адрес тех, кто за это борется,
несколько теплых слов. Что я и сде-
лал.

Агустин КУССАНИ,
драматург.

БУЭНОС-АЙРЕС.

Долг художника

СТОЛИЦА НА ЛА-ПЛАТЕ: ЦЕНТР И ОКРАИНЫ

СЕГОДНЯ мы продолжаем разговор о долге художника. Мы при-
гласили выступить известного аргентинского драматурга, автора по-
ставленных в СССР пьес «Фунт мяса», «Центр — форвард умирает на
рассвете».

ном смысла уничтожила всех, кто не
был согласен с фашистскими поряд-
ками и идеями. Исчезли из нашей
жизни музыканты, поэты, драмату-
рги, которые понимали искусство как
своеобразный рычаг для изменения
мира. Зато появились другие. Они
существуют и сейчас. Эти никогда не
выскажут своего мнения о том, что
глубоко всех волнует, зато могут без
конца писать и говорить о том, что
не имеет ни ценности, ни содержания.
Они умеют отцензировать спек-
такль или книгу, но высказав ни од-
ного критического замечания. Они
бумажуют и вопют, лишь сотрясая воз-
дух. Именно подобные «деятели» ис-
кусства превратили искусство в хитрей-
шую и выгоднейшую, с точки зрения
коммерции, игру, называемую «звез-
дами». В эту игру были втянуты га-
зеты, журналы, школы и даже пра-
вительственные учреждения. И пошли
«рекламные» одна за другой «звез-
ды», «двумя», «секс-бомбы» и «супер-
бомбы». Пьесы стали разбуксовать от
репортажей об их любовных приклю-
чениях и скандалах, ежедневных раз-
водах и ночных дождливых, о че-
ловеческих, которые представ-
ляли читателю как «штуки гения».
Медленно, но упорно воспитывалась
в артистах преступное равнодушие
ко всем человеческим, общественным,
народным проблемам. Самым унизи-
тельным и гнусным методом этого
воспитания было финансовое «эмбар-
го». Честным художникам не на что
было существовать: театры, радио,
газеты, издательства наглухо закры-
ли перед ними двери. Многие не ус-
тойли и ушли из жизни. Многие бо-
родлись, не зная, когда они увидят
результат своей борьбы. Но ни одна
реакционная камарилья не способна
расколоть навсегда все, что является
художественным выражением на-
родного протеста.

...Много, очень много времени про-
шло, пока у нас появился театр но-
вого дня. В этом театре не было ни
театра, ни расписан на потопке; сюда
— в подвал — приходили лишь рабо-
чие, которые хотели научиться ум-
ному. Первая из таких групп назы-
валась «Народный театр», вот уже
тридцать пять лет она продолжает
свой благородный и напряженный
труд. А начинали актеры этой груп-
пы в крохотной комнате, где с тру-
дом умещалось 30 стульев, где не
было ни декораций, ни занавеса. Не-
много позднее к ней присоединились
другие театральные группы — «Ма-
ска» (в этом году она отметит свое
25-летие), «Театр пролетарского ис-
кусства», «Группа Хуана Хусто» и
некоторые другие. Эти маленькие, но
гордые театры люди называли «неза-
висимыми». У них не было ни ком-

артели, и на сцене появлялся настоя-
щий труп. И тем не менее движение
«независимых» было неустойчивым.
И зритель, которого, — как известно,
полю не обманешь, постепенно стал
поворачиваться к этим поистине ге-
роическим бастионам честности и
благородства. Ныне, в шестидесятые
годы, «независимые» стали самым
крупным явлением в культурной и
общественной жизни Аргентины.
Именно благодаря этим энтузиастам
у нас выросло поколение молодых
национальных драматургов. Впервые
в истории страны их произведения
были прочтены при жизни и имели
грандиозный успех. Сегодня их име-
на стоят на афишах театров Амери-
ки и Европы, Африки и Азии. Вот
они: Карлос Горостиса, Освальдо
Драгун, Андрес Лиссарата и (да
простит читатель мне нескромность)
автор данной статьи.

Вам, вероятно, стало яснее, как на-
до «читать» нашу театральную афе-
ишу: с одной стороны, «независимые»
и с ними все, что можно безогово-
рочно назвать искусством. С другой
стороны — ничтожество, пустышки
вроде пошлых музыкальных комедий
и все остальное. Здесь смаяются на-
силие, секс, скенсис. Естественно, в
репертуаре — непременно «звезды»
Нью-Йорка, Парижа и Лондона.

Видно, теперь не нужно объяс-
нять, что роскошная авенюда Кор-
рьентес отдана на откуп коммерции
от искусства. Точнее, фальши. И
блеск этой улицы столь же фальшив,
сколько опасен. А «независимые» до
сих пор в большинстве случаев рабо-
тают в маленьких залах, и актеров их
почти никто не знает. Крупные га-
зеты, упоминая о «независимых», не
преминути вставить презрительные
словечки, вроде «любители» или «са-
модельщина». А все потому, что
долгое время актеры «независимых»
отказывались получать деньги за свой
труд. Но все, что рождается ценно-
го в нашей среде, мы несем именно
в эти маленькие залы. И публика по-
няла это. Ныне «независимые» — вы-
соко профессиональные коллективы.
Естественно, это заставило их изме-
нить свои первоначальные правила:
теперь каждый актер получает жало-
вание, театры уделяют внимание ре-
кламе, сценеграфии, помещению. Ин-
тересно, что коммерческие театры по-
няли, в чем «зарыта собака», и вот
уже смекалистые директора «пота-
шили» в центральные залы Артура
Миллера, Бертольта Брехта и даже
Гарсиа Лорку.

Однако обмануться тоже не сле-
дует. Буэнос-Айрес в последние два-
дцать лет гигантски вырос, из двух-
миллионного города, каким он был
еще в 1940 году, он превратился се-